

ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРОСТОРЫ: ЧЕЛОВЕК И КАРТИНА ЕГО МИРА В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ

К.С. Васильцов

НЕСКОЛЬКО КРАТКИХ ЗАМЕЧАНИЙ О ТРАДИЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ НАВРУЗА НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ

Вплоть до недавнего времени Памир для европейцев был своего рода *terra incognita*. Географическая изолированность этого высокогорного региона от равнинных территорий, а также суровые климатические условия немало способствовали тому, что практически до конца XIX столетия Памир оставался неизвестным остальному миру. Впрочем, и теперь, несмотря на успехи как российских (советских), так и зарубежных исследователей в деле изучения истории, материальной и духовной культуры населяющих Горный Бадахшан народов, многие стороны жизни горцев не нашли по тем или иным причинам должного освящения в этнологической и востоковедной литературе.

Большинство населения Западного Памира исповедует ислам шиитского толка и принадлежит к исмаилитской его ветви. Исмаилизм является одним из наиболее крупных направлений шиитского ислама. Возникнув в VIII в. в результате раскола по вопросу наследования имамата, исмаилитская община вскоре превратилась во влиятельную религиозно-политическую силу на Ближнем Востоке. Исмаилиты выработали собственную религиозно-философскую доктрину, во многом отличную как от суннитской, так и шиитской традиции.

Об истории исмаилитов Бадахшана до падения низаритского государства в Иране с центром в горной крепости Аламут (1256 г.) известно очень немного, что связано прежде всего с отсутствием надежных пись-

менных свидетельств на этот счет. Вплоть до XI в. этот горный регион не был, скорее всего, полностью исламизирован, а местное население оставалось верным различным древним иранским верованиям и культурам. Известную роль в религиозной жизни горцев играл и буддизм, о чем свидетельствуют обнаруженные археологами на территории Бадахшана развалины буддийских храмов.

Можно предполагать, что проникновение и утверждение исмаилизма на Памире шло достаточно медленно и, несмотря на деятельность нizarитских *да'у* (букв. миссионер, проповедник), к середине XIII в. исмаилитская община Горного Бадахшана оставалась малочисленной.

Ситуация, видимо, изменилась с разгромом нizarитского государства в Иране, когда, вынужденные скрываться от преследований монголов, многие исмаилиты бежали в Центральную Азию и Индию, способствуя тем самым пропаганде и популяризации исмаилитского вероучения среди местного населения.

Первыми нizarитскими *да'у* были Саййидшах Маланг и Мир Саййид Хасаншах Хамуш, которые основали династии пиров (*пир*) и миров (*мир*) в Шугнane и Рушане, а также в верховьях Амударьи. Не вдаваясь в подробности политической истории Бадахшана, отметим, что этот горный регион, избежав монгольского завоевания, впоследствии оказывался попеременно под властью тимуридских эмиров, бухарских и афганских правителей вплоть до вхождения в состав Российской империи.

Особенности географического положения, а также специфика исторического пути развития Западного Памира естественным образом сказались на формах бытования здесь ислама, что позволяет говорить о характере памирской религиозности, то есть способе функционирования и существования «регионального ислама», конкретном проявлении тех или иных общемусульманских представлений в условиях Горного Бадахшана.

Очевидно, что наряду с собственно мусульманскими (исмаилитскими) и некоторыми суфийскими представлениями в ткань современного вероучения *панджтани*, как нередко сами себя называют памирские исмаилиты, органично вошли те или иные элементы местных доисламских верований и древних религиозных традиций. Об этом, в частности, можно судить на основании анализа некоторых ритуальных практик и обычаев или праздников и связанных с ними обрядовых действий.

Именно о таком древнем и традиционном для памирцев празднике — Наврузе — и пойдет речь в нашей краткой статье. Оговоримся сразу, что в предлагаемой работе мы вынуждены несколько ограничить круг рассматриваемых вопросов и не станем подробно затрагивать сюжеты, непосредственно связанные с семантикой ритуальных и обрядо-

вых практик, сопровождающих празднование Навруза. Надеемся, впрочем, что нам удастся продолжить эту работу в будущем.

В основу настоящей публикации легли материалы отечественных этнографов и востоковедов, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах. Большинство материалов относится к началу — первым десятилетиям XX в., и в этом смысле наша статья представляет собой небольшой исторический экскурс в историю и традиции празднования Навруза на Памире (главным образом, в Шугнанае, Ишкашимае, Ваханае).

Наверное, нет смысла в столь краткой публикации подробно останавливаться на истории появления Навруза, тем более что во многом работа эта была проделана и до нас. Оттого отошлем читателя к замечательной статье С. Абдулло [2007].

Празднование Навруза в Горном Бадахшанае приходится на дни весеннего равноденствия — 20–22 марта.

Счет временам года и месяцам, как известно, велся по солнцу, то есть по тому, в какой точке окрестных гор солнце встает и садится в определенный период года. Были прежде во всяком доме специальные отметки на стене, до которых доходят лучи солнца, проникая через традиционное для памирского дома (*чид*) дымовое отверстие в крыше (*чорхона*). Часто среди подобного рода отметок находится и отметка, куда попадает луч солнца в день Навруза. Эти отметки, с помощью которых определяли время года, будь то в окрестных горах или в памирском жилище, носили название *офтобнешон*.

По сведениям М.С. Андреева и А.А. Половцева, на бухарском берегу Пянджа в кишлаках Рынд и Наматгыт (напомним, что приводимые ими материалы относятся к первой четверти XX в.) существовал и неукоснительно соблюдался такой обычай: «Когда наступал Новый год, то в продолжении недели жители этих двух селений сами не ходили в другие села и не пускали никого из посторонних к себе; по истечении семи дней один человек обходил все дома и в каждом доме читал молитвы. После его обхода считалось открытым для сношений с окружающими».

Впрочем, как замечают сами авторы, с появлением западно-памирских постов обычай этот «не удавалось соблюдать с прежней строгостью», поскольку кишлаки Рынд и Наматгыт располагались на дороге, соединявшей русские посты, и движение там не прекращалось. Насколько нам известно, теперь этот обычай не соблюдается вовсе.

Между тем в том или ином виде в различных кишлаках Ишкашима и Вахана зафиксированы типологически сходные обычаи, связанные с запретом посторонним бывать в доме. Так, в кишлаке Хирмани на следующее утро после празднования Навруза до первого намаза в дом вво-

дили животное (барана или осла) и давали ему ячмень; в кишлаке Зибаке осла было принято вводить в день Навруза в полдень. Вплоть до этого времени посторонних в дом не пускали. После этого ходили друг к другу с поздравлениями: Шогуни боор муборак бошад! («Да будет благословен праздник весны!»), затем читали молитвы, при встрече гостей было принято кидать им на спину горсть муки.

Аналогичные обряды и обычаи существовали в начале прошлого века в Вахане. В ночь после празднования Навруза в каждом доме один человек выводил из конюшни осла и затем, с наступлением рассвета, въезжал к себе в дом на этом животном. До его приезда домочадцам было запрещено выходить на улицу. Человек на осле, подъехав к двери, принимался стучать и выкрикивать: «Я привез счастье Ишкашима, привез счастье Зебака, счастье Шугнана, Бадахшана, отворите дверь! Лурд, лурд, лурд!». Затем он въезжал внутрь дома, приговаривая три раза «лурд», а после произносил традиционную форму «Шогуни боор муборак бошад!» («Да будет благословен праздник весны!») и приступал к молитве, по прочтении которой осла отводили в конюшню. До введения осла посторонних в дом не пускали.

В Ишкашме в последнюю ночь старого года в доме также не оставляли никого из посторонних. На рассвете, еще в темноте, хозяин дома брал лепешку и заворачивал ее в войлок или в шкуру барана. Войлок он бросал на дерево или забор, после чего принимался собирать хворост и приносил его домой. Когда хозяин вместе с только что собранным хворостом возвращался, хлеб, который он уносил с собой за пазухой, крошили в пиалу с молоком, и он съедал его. Это ритуальное действие совершали с той целью, чтобы наступивший год был богатым и урожайным.

Из принесенных хозяином веточек тростника связывали тем временем четыре веника, и женщины принимались сметать ими копоть и сажу со стен жилища. В те времена на Памире топили «по-черному», поэтому и сейчас во многих старинных домах, которые теперь, как правило, служат в качестве того или иного рода хозяйственного помещения, можно заметить следы сажки. К слову сказать, существовали и приметы, связанные с этим обрядом. Например, если прутик из веника застревал в потолке, то это означало, что будет богатый урожай хлеба; если же прутик застревал над очагом, это служило указанием на то, что в будущем году будет производиться много масла из молока хозяйства.

После окончания уборки одна из женщин брала корзинку с сажей и, накрыв голову покрывалом, выносила мусор и выбрасывала его куда-нибудь подальше от дома, и затем все также с покрывалом на голове возвра-

щалась обратно. После этого женщины приступали к обмазыванию стен мукой, делалось это либо специальным венником, либо просто рукой.

Еще во время уборки начиналось приготовление праздничного хлеба *шогун-кумоч*. Очаг при этом накрывали крышкой, чтобы в него не попала сажа. Испеченный хлеб имел вид круглой лепешки сравнительно большого диаметра и толщины. Когда, наконец, все приготовления заканчивались, двое мужчин садились у противоположных стен комнаты и три раза перекачивали *шогун-кумоч* друг другу. После этого хлеб разделяли на кусочки и раздавали всем присутствовавшим, а также рассылали их родственникам.

На Навруз в кишлаках устаивались, как правило, различные игры и увеселения. Девушки обычно устраивали себе качели, мужчины же играли в игру, сходную с поло, — *гуйбази*. Впрочем, ко времени публикации уже упоминавшихся нами материалов в нее практически нигде не играли, а вскоре этот обычай и вовсе исчез.

После завтрака мужчины, кроме упоминавшегося уже *гуйбази*, играли в козлодрание *бузкаши*, борьбу *кустингири*. Мальчики играли в чижика (*лашбози*), в камешки (*колбози*).

Если человек встречал кого-либо, то кричал: «Канора, канора шавед!» («Сторонитесь! Сторонитесь!»).

После начала праздника мальчики ходили по домам с ведром, к которому привязывали веревку. Это ведро спускали через световое отверстие в крыше (*рузан*), и хозяйка дома складывала туда угощение.

В течение дня мужчины ходили друг к другу, имея при себе *гымча* (свежие ветки или прутья, зеленую кору которых обстругивали особым образом, так, что получалась бахрома, завивающаяся в колечки). Гость приносил в дом *гымча*, которую втыкали под потолком за балки, где *гымча* оставалась до следующей весны. Кроме *гымча* обыкновенно приносили также пучок веток шиповника, которые привешивались к *бучкагич* — доскам с соляным, как правило, орнаментом, располагавшимся между двумя столбами *хаситан* при входе в *чид*.

Потом подавали специально приготовленные по случаю Навруза блюда: сладкий напиток *шурбат*, сахар, *суманак* (солод). Семена пшеницы прорастивали в корзине, поливая их водой. Затем их сушили и варили, смешав с мукой, густую похлебку. Также готовили мясное блюдо *бодж*: в горшок закладывали ножки и головы баранов, насыпали немного пшеницы, наливали воды и ставили томиться на ночь. Пекли особые ритуальные лепешки, большую лепешку выпекали на раскаленном плоском камне (*санги кумоч*). Испеченную ритуальную лепешку прилепляли к стене, след, который от нее оставался, посыпали мукой. Этой

лепешкой угощали друзей и родственников. Позже собирались у почтенного и старейшего человека, приносили свои угощения и устраивали общую праздничную трапезу.

В прежние времена после Навруза существовал обычай устраивать охоту. По призыву *мира* собирался народ на облаву, от каждого дома обыкновенно приходило по два человека: один с ружьем, другой без. К вечеру все собиралась у селения Йах-дуру (Ишкашим), где их делили на группы. Затем загонщики отправлялись на свои места. Охота начиналась рано утром на рассвете. *Мир* с лучшими стрелками стрелял по зверю. После охоты между участниками делилась добыча. Хорошие стрелки получали халаты, неудачные же нередко и палочные удары. Иногда *мир* мог также приказать оштрафовать их на халат, пару баранов и т.д. «Что вы за молодцы, — кричал рассерженный *мир*, — прикажу перековать ваши ружья на подковы; ваши матери — овцы!». Лучшая часть добычи обычно доставалась *миру*, остальное делилось между другими охотниками.

В областях Вахана и Ишкашима своего рода предзнаменованием на следующий год были детские игры. Например, если маленькие дети ездили верхом на палках или играли в войну, считалось, что новый год будет беспокойным; и наоборот, если дети рыли канавки и играли в игры, так или иначе связанные с земледелием, то это рассматривалось в качестве приметы мирной жизни.

Перед заходом солнца мужчины выводили всех быков на участок поля. Одна из женщин приносила *атола* — густую похлебку, мужчины трапезничали, а женщина каталась по земле. Двух быков вечером вводили в дом, и женщины осыпали их мукой. Для них (быков) приготавливали специальную бобовую похлебку, ею же мазали быкам лоб. Затем ждали, когда быки испражнятся, и только потом выводили их во двор. Из бычьего навоза лепили своего рода чашу, куда клали по счету семена пшеницы, ячменя, гороха, бобов. Чашу оставляли на несколько дней на стенке, семена должны были прорости, и по количеству ростков определяли урожай на новый год.

После первой пахоты, которая начиналась с приходом Навруза, хозяин забирался на крышу и кидал через *рузан* зерно в дом, а женщины старались поймать их в подол. Добрым предзнаменованием считалось, если женщинам удавалось поймать все брошенные семена. Затем семена собирали в мешок, который подвешивали к главному столбу *Ша-сутун*, и оставляли их там на несколько дней, после чего смешивали с остальными и сеяли.

Розенфельд приводит в одной из своих работ и такие сведения. Хозяин дома втайне от жены клал в платок семена ячменя, затем поднимался на крышу и пытался забросить их через *рузан* в комнату; жена же

подстерегала его и старалась опередить — бросала через *рузан* связанные вместе ложку и каталку. Если первым успевал забросить зерно муж, это считалось предвестником урожайного года, если же выходило наоборот, это предвещало обилие молока и масла.

В некоторых кишлаках в Вахане и Ишкашине существовала также традиция отмечать и окончание празднования Навруза, которое попадает на 18–20 июля — начало жатвы ячменя. У *халифа* спрашивали, когда можно приступить к жатве. Он определял время. Старейший в доме входил в помещение, хозяйка посыпала ему правое плечо мукой, хозяин притрагивался к верхней части очага и насыпал немного золы себе за голенище сапога. Затем старейший оправлялся в поле, срезал колосья ячменя и сам привязывал его к главному столбу. Потом его усаживали на почетное место на нарах и подавали масло с лепешкой; далее приносили остальные снопы ячменя и привешивали их к остальным столбам каркаса дома, где они и оставались до зимы.

Согласно обычаю, в одном из домов собирались близкие и соседи, готовили угощение: молочную рисовую кашу, вареное мясо, кисель, лепешки. Это угощение посылалось и в другие дома. Это время считалось окончательным завершением празднования Навруза и началом жатвы.

Приведенные выше материалы о традиции празднования Навруза свидетельствуют, как нам представляется, о тесной его связи в древности с праздниками земледелия, возможно, также о некоторых реминисценциях солярных культов. Разумеется, за всю свою многовековую историю Навруз не мог не претерпевать те или иные изменения, связанные определенным образом с изменениями в религиозной и хозяйственной сферах. Многие элементы ритуальных и магических действий, сопровождавших праздник, исчезли, вместо них появились другие. Однако, как представляется, отчасти именно эти изменения позволили празднику сохранить свое бытие в культуре иранских, да и не только иранских народов, стать одним из выражений картины мира горцев.

Библиография

- Абдулло С.* Магия Навруза. Алматы, 2007.
- Андреев М.С., Половцев А.А.* Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. СПб., 1911.
- Розенфельд А.З.* Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикскоязычного населения Советского Бадахшана // Советская этнография. 1970. № 3. С. 117–125.
- Фонд № 121 И. И. Зарубина ИВР РАН.